

18+

Саша Дрим

СНЫ МАРТА

Иногда наши сны больше, чем
жизнь...

Саша Дрим

**Сны Марта. Иногда наши
сны больше, чем жизнь...**

«Издательские решения»

Дрим С.

Сны Марта. Иногда наши сны больше, чем жизнь... / С. Дрим —
«Издательские решения»,

Сны Марта — это книга про выборы, которые нам приходится делать
постоянно. Март видит сны, но поначалу не понимает, что его сны — это
жизнь. Чем всё закончится?

Содержание

Сны Марта	6
ЧАСТЬ I. Жизнь, которой не было	9
Глава 1. Возвращение	9
Глава 2. Точка развилки	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сны Марта

Иногда наши сны больше, чем жизнь...

Саша Дрим

© Саша Дрим, 2026

ISBN 978-5-0070-9896-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сны Марта

ПРОЛОГ. Первый выбор

Поезд уходил в 22:47. Я помню это время так же ясно, как помню номер квартиры, в которой вырос, — то есть без всякой причины, просто цифры прилипли ко мне, как жвачка к подошве, и теперь их не отковырять.

На часах было 22:41. У меня было шесть минут и целая жизнь, которая ещё не знала, что через шесть минут она разделится на две.

Я стоял на платформе Ярославского вокзала с рюкзаком, в котором лежали: одна смена белья, зарядка от телефона, потрепанный сборник Бродского, который я так и не дочитал дальше сорок третьей страницы, и билет — плацкарт, тридцать четвёртое место, вагон девять. Ехать я собирался к Лене. Она позвала меня в Петербург «просто пожить немного, разобраться, чего ты хочешь», и я согласился, потому что не хотел ничего решать сам — пусть решает город, пусть решает Лена, пусть решает поезд.

Мне было двадцать два, и я, честно говоря, не мог внятно ответить ни на один вопрос о собственном будущем, который задавали мне взрослые с той обеспокоенной интонацией, с какой спрашивают о здоровье. Я учился на третьем курсе — специальность называлась длинно и неопределённо, что-то вроде «менеджмент в сфере культуры», и я выбрал её в своё время просто потому, что она не требовала точного ответа на вопрос «кем ты хочешь стать», позволяя мне откладывать этот ответ ещё на несколько лет. По вечерам я подрабатывал в маленькой кофейне у метро — не ради денег, которых там платили немного, а, кажется, ради самого ритуала: варить кофе для незнакомых людей было единственным делом, в котором я чувствовал что-то похожее на компетентность, единственным местом, где от меня требовалось ровно то, что я умел делать хорошо, и ничего сверх этого.

Друзья к тому моменту уже начинали определяться — кто-то шёл в аспирантуру, кто-то устраивался в компанию отца, кто-то уезжал за границу с твёрдым намерением остаться там навсегда, — а я всё ещё стоял в том расплывчатом возрасте, когда кажется, что решение вот-вот придёт само, стоит только переждать ещё немного, ещё один семестр, ещё одну поездку, ещё один разговор с кем-то, кто, может быть, знает ответ лучше меня самого. Поездка в Петербург была для меня именно таким «ещё немного» — способом отсрочить решение, спрятавшись за красивым предлогом смены обстановки.

Дождь в тот вечер был не сильный, но какой-то очень честный — он не притворялся, что скоро кончится. Я стоял под козырьком навеса и смотрел, как капли собираются в цепочки на ржавых рёбрах крыши и падают вниз неровными нитками, будто кто-то наверху распускает старый свитер.

Зазвонил телефон.

— Март, — сказал голос в трубке, и я сразу узнал его, хотя не слышал три года. — Не клади трубку, пожалуйста. Мне нужно две минуты.

Это была Оля. Из той жизни, которую я, как мне казалось, давно закрыл на ключ и выбросил ключ в реку — красиво, по-книжному, с чувством выполненного долга. Но голоса не спрашивают разрешения возвращаться. Они просто возвращаются, как невыключенный свет в комнате, из которой ты вроде бы вышел навсегда.

Мы расстались три года назад — глупо, некрасиво, с теми взаимными обвинениями, которые потом кажутся смешными, но в тот момент представляются концом света. Я тогда сказал что-то резкое про то, что она слишком контролирует мою жизнь, она сказала что-то не менее резкое про то, что я вообще не умею жить свою жизнь сам, ни под чьим контролем, — и мы оба, кажется, были по-своему правы, что и делало расставание особенно болезненным: ни

одна сторона не могла списать вину полностью на другую. С тех пор я слышал о ней изредка, через общих знакомых — что учится, что встречается с кем-то, потом не встречается, — и старательно гасил в себе всякое желание написать первым, считая это делом принципа, хотя, если честно, дело было скорее в гордости, чем в принципе.

Она говорила быстро, сбивчиво — что-то про отца, про больницу, про то, что ей нужно было это сказать мне лично, а не через полгода в соцсетях. Я слушал и смотрел на табло. 22:44. Три минуты.

— Ты можешь приехать? — спросила она вдруг. — Не сейчас. В смысле — вообще. Ты можешь просто... быть рядом какое-то время?

Вот в чём был фокус этого вопроса: он не требовал от меня ничего немедленного. Он не был похож на выбор. Он был похож на маленькую дверь сбоку от главного коридора — такую незаметную, что ты проходишь мимо тысячу раз и не замечаешь, что она вообще существует.

Я мог сказать: «Прости, у меня поезд через две минуты, давай я перезвоню из Питера». Это было бы правдой. Это было бы разумно.

Вместо этого я сказал:

— Да. Конечно. Я могу.

И начал закидывать рюкзак обратной на плечо — не садиться на этот поезд, поехать не в Петербург, а в другую сторону, к Оле, к её отцу в больнице, к жизни, которая, как мне казалось тогда, была уже давно и правильно закрыта.

Поезд тронулся без меня в 22:47. Я смотрел, как хвостовой вагон с красным огоньком уходит в дождь и темноту, и не чувствовал ничего особенного. Ни драмы, ни облегчения. Просто маленький, почти неслышный щелчок — как будто где-то далеко переключили стрелку на рельсах, и весь состав моей жизни пошёл по другому пути, а я даже не заметил момента, когда это произошло.

Той ночью я спал на вокзальной скамейке, потому что возвращаться домой было глупо, а к Оле — рано, слишком много лет прошло, чтобы являться среди ночи. Мне снился сон.

Мне снилось, что я еду в поезде. В плацкарте, тридцать четвёртое место, вагон девять. За окном — та же ночь, тот же дождь, только с другой стороны стекла. Напротив меня сидела женщина лет пятидесяти и вязала что-то бесконечно длинное — шарф, а может, дорогу. Проводница разносила чай в подстаканниках, и я чувствовал их тяжесть в руках, помню звон ложечки о стекло, помню, как обжёг губы о слишком горячий край стакана.

Это был подробный сон. Слишком подробный.

Я проснулся оттого, что кто-то тронул меня за плечо. Это была уборщица вокзала, она сказала: «Молодой человек, тут спать нельзя», — и я открыл глаза в мире, где не сиделся на тот поезд. Но ощущение чая во рту не проходило ещё минут пять. Горячий, чуть переслащённый, с еле уловимым привкусом железа от подстаканника.

Я тогда не придавал этому значения. Мало ли что снится, когда спишь на вокзальной скамейке в мокрой куртке. Я встал, размял затёкшую шею, купил в автомате кофе — обычный, вокзальный, горький, — и пошёл искать автобус до больницы, где лежал Олин отец.

Я не знал, что в ту же самую минуту, в вагоне девять, на тридцать четвёртом месте, другой Март — не хуже и не лучше меня, просто тот, который не снял руку с поручня двери за шесть минут до отправления, — просыпался от толчка проводницы: «Молодой человек, ваша станция через двадцать минут, приготовьтесь».

Я не знал, что он тоже помнит вкус того чая.

Я не знал, что где-то там, за какой-то невидимой перегородкой между «случилось» и «не случилось», обе эти ночи произошли одновременно и обе были совершенно настоящими.

Я узнал об этом только через полгода — то есть, если быть честным, я узнаю об этом только сейчас, когда рассказываю тебе эту историю. А тогда, в ту дождливую ночь на Ярослав-

ском вокзале, я знал только одно: я сделал выбор. Маленький. Незначительный. Почти незаметный самому себе.

И этот выбор, как оказалось, был первым.

ЧАСТЬ I. Жизнь, которой не было

Глава 1. Возвращение

Второй раз это случилось через три недели.

К тому моменту Олин отец уже выписался из больницы — оказалось, ничего страшного, гипертонический криз, врачи перестраховались, — а мы с Олей начали видеться просто так, без повода, как будто те три года, что мы не разговаривали, были не пропастью, а просто длинной паузой в разговоре, который на самом деле никогда не прерывался. Я не звонил в Петербург. Лена написала мне однажды: «Ты вообще живой?» — и я ответил что-то вроде «прости, тут закрутилось», и это было последнее наше сообщение.

В ту ночь я заснул на своей собственной кровати, в своей квартире, вымотанный после смены в кофейне, где я тогда подрабатывал бариста, — и снова оказался в поезде.

Тот же плацкарт. То же тридцать четвёртое место. Та же женщина напротив, вяжущая свой бесконечный шарф спицами, которые тихо постукивали друг о друга в такт покачиванию вагона.

Только на этот раз я сразу понял, что это не новый сон, а тот же самый — просто он не заканчивался в ту дождливую ночь три недели назад, а всё это время продолжался где-то там, пока я жил свою настоящую жизнь. Как будто я вышел из комнаты, не выключив в ней свет, и сейчас, вернувшись, застал ту же самую передачу по телевизору, только несколько серий спустя.

— Вы что-то говорили, — сказала женщина с вязанием, не поднимая глаз. — Во сне. Бормотали.

— Простите?

— Спали же вы. Минут двадцать. — Она наконец подняла взгляд, и он был совершенно обычный, чуть усталый, без всякой мистики. — Разговаривали во сне. Про какую-то Олю.

Я почувствовал, как по спине прошёл холодок — не страшный, а какой-то очень внимательный, будто тело раньше разума поняло, что происходит что-то важное.

— Простите, а мы... долго едем? — спросил я. — В смысле, сколько нам ещё?

— Вам разве не сказали? — Она посмотрела на меня с лёгким удивлением. — Через час Бологое, а дальше вы, кажется, до Питера, нет?

Я кивнул, хотя внутри у меня всё сжалось. Бологое. Тот же маршрут, что я не проехал наяву. Тот же поезд, который ушёл без меня 22:47 три недели назад, — и я снова был в нём, будто он никогда и не переставал ехать, будто где-то в параллельном исчислении времени этот вагон девять катился по рельсам все эти три недели без остановки, а я просто заходил в него и выходил, как в комнату с работающим телевизором.

Проводница — та же самая, с родинкой над верхней губой, — принесла чай. Я взял стакан в подстаканнике, и вкус первого глотка был точь-в-точь как в прошлый раз: горячий, чуть переслащённый, с призрачным привкусом металла. Я вдруг понял, что помню этот вкус так же ясно, как помню вкус кофе, который варил утром на смене. Оба воспоминания были настоящими. Оба лежали в памяти рядом, без всякой иерархии, без пометки «это было по-настоящему, а это только снилось».

— Простите, а как вас зовут? — спросил я женщину.

— Тамара Витальевна, — сказала она, не отрываясь от вязания. — Мы же с вами ехали уже, вы забыли? В прошлый раз тоже спрашивали.

Вот этого я не помнил. Из прошлого раза я помнил чай, шарф, дождь за окном — но не разговор о том, кто она такая. Как будто сон в первый раз шёл по одному сценарию, а память о нём осталась только частичная, вырезанными кусками, как плёнка с потерянными кадрами.

— А куда вы едете? — спросил я.

— К дочке. В Питере живёт, с зятем. Внуку три года будет скоро, шарф вот довязываю, к дню рождения. — Она усмехнулась. — Вы спрашивали уже, молодой человек. Вы прямо как заведённый — всё забываете и по новой спрашиваете.

Мне стало не по себе. Не страшно — скорее странно, тем особым видом странности, когда реальность вдруг оказывается устроена сложнее, чем ты думал, и это открытие интересно и жутковато одновременно, как когда в детстве узнаёшь, что земля круглая и ты стоишь на шаре, летящем в пустоте.

За окном была та же дождливая темнота, только сейчас, взглядевшись, я заметил то, чего не заметил в прошлый раз: на границе освещённого купе и черноты за стеклом иногда — на долю секунды — проступало отражение, в котором я сидел не один. Рядом со мной, там, в отражении, сидел ещё кто-то, очень похожий на меня, но смотрящий в другую сторону, в другое окно, как будто мы ехали в одном вагоне, но по разным путям.

Я моргнул, и отражение снова стало просто отражением.

Проводница объявила Бологое. Поезд стал притормаживать, замедляя перестук колёс до отдельных, редких толчков, и я почувствовал вдруг острое, почти детское желание выйти на этой остановке — не ехать дальше, до конца, а именно здесь, на середине пути, ступить на перрон и посмотреть, что там.

— Вы выходите? — спросила Тамара Витальевна, впервые за всю дорогу глядя на меня с интересом.

— Не знаю, — честно сказал я.

— В прошлый раз вы тоже так говорили. — Она снова взялась за спицы. — А потом не вышли. Доехали до конца.

— А что было в конце?

Она посмотрела на меня очень внимательно, будто оценивая, стоит ли отвечать, и потом сказала то, что я запомнил, кажется, лучше всего из всего этого разговора:

— Не помню, молодой человек. Я ведь тоже только еду. Может, я про вас всё помню, а про себя саму — ничего, кроме этого шарфа и этого вагона.

Поезд качнулся и снова начал набирать ход. Бологое осталось позади, и вместе с ним осталась позади моя возможность выйти, попробовать что-то изменить, взять эту дорогу под свой собственный контроль. Я снова просто ехал — как ехал в прошлый раз, и, наверное, как буду ехать снова.

Дальше было странное чувство ускоренного времени — то, что бывает только во сне: я помню, что мы ехали ещё долго, разговаривали о чём-то незначительном, Тамара Витальевна рассказывала про внука, про зятя, который «непьющий, но скучный», про дочь, которая «слишком много работает и мало живёт», — и в какой-то момент я понял, что уже стою на перроне Московского вокзала в Петербурге, а поезд позади меня закрывает двери и уходит дальше, будто я никогда из него и не выходил, просто перрон нарисовался вокруг меня сам собой, как декорация, которую подвезли, пока я моргал.

Была ночь. Была та же морось, что и в Москве, только здесь она была холоднее, ленинградская, пробирающая. Я стоял с рюкзаком — тем самым, с зарядкой и Бродским до сорок третьей страницы, — и не знал, куда идти.

И тут ко мне подошла девушка.

— Ты чего стоишь как потерянный? — сказала она с улыбкой, беря меня под руку так естественно, будто мы знакомы сто лет. — Пойдём, такси ждёт.

Я никогда её не видел. Ни разу в жизни — в настоящей жизни, я имею в виду. Но что-то в глубине меня, в каком-то слое памяти, который я даже не знал, что во мне есть, отозвалось на её голос узнаванием — таким же ясным, как узнавание собственного отражения в зеркале.

— Лена, — сказал я, и это не было вопросом.

— Ну да, — засмеялась она. — А ты как думал, я тебя тут одного в дождь брошу? Ты в поезде вообще спал или всю дорогу в потолок смотрел, вид у тебя такой помятый.

Мы сели в такси. Она рассказывала что-то про квартиру, которую сняла для нас обоих на Петроградке, про то, что соседка снизу «нормальная, но со своим уставом», про работу, которую она мне якобы уже почти нашла — «в той самой студии, помнишь, я рассказывала» — и я кивал, поддакивал, а внутри у меня шла совсем другая работа: я лихорадочно пытался понять, что из того, что она говорит, я действительно должен помнить, а что мне только предстоит узнать заново, как будто эта жизнь была уже прожита кем-то похожим на меня, и теперь я просто вступал в неё, как в чужую, но хорошо сидящую одежду.

Квартира оказалась небольшой, но обжитой — с той обжитостью, которую невозможно подделать, которая появляется только за месяцы совместной жизни: чужая зубная щётка рядом с моей в стакане у зеркала, две кружки на сушилке с отколотыми в разных местах ручками, стопка книг на подоконнике, среди которых я с удивлением узнал тот самый сборник Бродского, что лежал у меня в рюкзаке, — только этот экземпляр был зачитан до состояния мягкой, разлохмаченной обложки, будто его открывали десятки раз, гораздо дальше сорок третьей страницы.

— Ты голодный? — спросила Лена, скидывая мокрую куртку на стул. — Я разогрею то, что осталось от ужина, или хочешь просто чай?

— Чай, — сказал я, потому что чай казался мне в тот момент единственной надёжной константой между двумя моими жизнями.

Она заварила чай в большом керамическом чайнике с отбитым носиком — «мы всё собираемся купить новый, но как-то руки не доходят», сказала она, перехватив мой взгляд, — и мы сидели на маленькой кухне, друг напротив друга, и она рассказывала про день: про клиента, который третий раз переделывал макет, про соседку снизу, которая опять жаловалась на шум, хотя мы, по её словам, «даже не топаем особо», про сестру, звонившую с вопросами о том, когда мы наконец «узаконим отношения».

Я слушал и одновременно пытался ухватить контуры этой чужой-своей жизни: судя по разговору, я работал где-то в графическом дизайне или около того, мы жили вместе уже почти год, у нас была общая привычка пить чай именно из этого треснутого чайника, и где-то в глубине этой квартиры, судя по стопке нот на пианино в углу комнаты, я, кажется, ещё и играл на музыкальном инструменте, которым в реальной жизни никогда толком не владел.

— Ты какой-то тихий, — сказала Лена в какой-то момент, откладывая свою чашку. — Устал?

— Немного, — сказал я. — Голова какая-то странная сегодня. Будто два разных дня одновременно проживаю.

Она рассмеялась — легко, не придавая моим словам того веса, который они на самом деле несли.

— Это называется недосып, — сказала она. — Пойдём спать, у меня завтра съёмка с утра, а тебе, кажется, тоже рано вставать.

Я не поехал в Петербург в ту ночь три недели назад. Я выбрал Олю, выбрал больницу, выбрал остаться. Но здесь, в этом продолжающемся сне, существовал другой я — тот, что сел на поезд, — и у него уже была своя Лена, своя квартира на Петроградке, своя история, которая шла себе своим чередом, независимо от того, смотрел я на неё или нет.

Именно тогда, глядя в окно такси на мокрые огни чужого — или, может быть, уже не совсем чужого — города, я впервые чётко подумал ту мысль, вокруг которой потом закружится вся моя жизнь:

это не сон. Это другая я. Она происходит на самом деле, просто без меня — точнее, без того меня, который остался в Москве. А сейчас, когда я сплю, я как будто прихожу в гости в собственный дом, из которого меня выселили в тот момент, когда я решил не садиться на поезд.

Лена сжала мою руку.

— Ты какой-то странный сегодня, — сказала она. — Всё в порядке?

— Да, — сказал я. — Просто устал с дороги.

Это было не совсем ложью. Я действительно устал — только не от дороги в поезде, а от того усилия, с которым моё сознание пыталось удержать сразу две жизни, не перепутав, какая из них снится, а какая происходит на самом деле. И, кажется, именно в ту ночь я впервые не был до конца уверен в ответе.

Проснулся я утром в своей московской квартире с ощущением чужого запаха духов на подушке — того самого, каким могла пахнуть Лена, — хотя, конечно, никакого запаха там быть не могло. Просто память тела иногда обгоняет память разума и хранит то, чего разум ещё не готов признать бывшим.

Я лежал и смотрел в потолок, пытаюсь понять одну простую вещь: если там, во сне, была целая жизнь — с квартирой, с работой, с Леной, — которая шла своим чередом независимо от меня, то что случилось с ней за те три недели, что я не спал этим сном? Продолжалась ли она без наблюдателя, как дерево, падающее в лесу, где никого нет? Или она просто ждала меня, замерев в той секунде, когда я в прошлый раз проснулся на вокзальной скамейке — и потом рванула вперёд одним прыжком, чтобы наверстать упущенное к моему возвращению?

Ответа у меня не было. Но с того утра я точно знал одно: это повторится. И, кажется, я уже ждал, когда это случится снова — с тем особым нетерпением, с каким ждёшь продолжения книги, которую нельзя дочитать самому, потому что следующая глава пишется только тогда, когда ты засыпаешь.

Весь следующий день я провёл как будто вполтину присутствуя в собственной жизни: варил кофе клиентам в кофейне, отвечал что-то на автомате коллегам, а сам внутри без конца прокручивал детали петроградской квартиры — треснутый чайник, ноты на пианино, зубную щётку в стакане рядом с моей. Мне казалось диким и одновременно закономерным, что эти детали занимали меня сильнее, чем реальные разговоры вокруг; будто часть моего внимания навсегда осталась в той квартире, дожидаясь, когда я вернусь туда снова.

Глава 2. Точка развилки

Следующие несколько снов — а их было, кажется, три или четыре за месяц, я не считал внимательно, потому что не сразу решил, что их стоит считать, — я провёл, как турист в чужом городе, который старается ничего не трогать руками, чтобы не сломать. Я боялся задавать слишком много вопросов Лене, боялся, что своим незнанием выдам себя, хотя, если вдуматься, это было довольно нелепое опасение: кому я мог себя выдать и в чём? В том, что я — это я, только из другой ветки собственной жизни?

Но постепенно я осмелел. Я начал спрашивать — сперва осторожно, потом всё прямее.

— А помнишь, как мы познакомились? — спросил я как-то вечером, когда мы сидели на кухне съёмной квартиры на Петроградке, и Лена жарила яичницу с той характерной ленью в движениях, которая бывает у людей, готовящих ужин уже в тысячный раз для одного и того же человека.

— Ты издеваешься? — Она обернулась с лопаткой в руке. — Три года вместе, а он спрашивает, как мы познакомились. Ладно, подыграю. — Она села напротив, подперев щеку рукой, в глазах у неё была смешинка. — Мы познакомились в поезде. Ты садился в Москве, я — в Твери, под села на твоё место, ты вежливо возмутился, что это твоё плацкартное место с багажной полкой, я сказала, что готова уступить, если ты угостишь меня чаем. Ты угостил. Дальше — три года.

Я почувствовал, как что-то внутри меня оседает, будто фундамент дома, который наконец нашёл твёрдую почву.

— В поезде, — повторил я.

— Ну да. — Она посмотрела на меня внимательнее. — Март, ты какой-то странный в последнее время. Спрашиваешь то, что должен помнить лучше меня. У тебя точно всё в порядке?

Я сказал, что всё нормально, что просто соскучился по этой истории, хотел услышать снова, — и она, кажется, поверила, потому что людям вообще свойственно верить, когда им рассказывают про их собственную любовь: в этом есть что-то настолько лестное, что критическое мышление отключается само собой.

Но для меня в её словах была спрятана целая находка. Она под села на моё место в Твери. Значит, тот поезд, на который я не сел три недели назад в своей настоящей жизни, — а сел в этом сне, — шёл через Тверь. И где-то там, на этой самой остановке, произошла развилка внутри развилки: если бы я не сел на поезд, я бы никогда не встретил Лену. Если бы я сел, но, скажем, пересел в другой вагон, или заснул и не заметил, как кто-то подсел рядом, — я бы тоже её не встретил. Судьба, оказывается, была устроена не как одна большая стрелка на рельсах, а как бесконечная россыпь мелких, почти незаметных стрелочек, каждая из которых меняла направление лишь чуть-чуть, но эти «чуть-чуть» копились, копились — и через три года превращались в совершенно другую жизнь, с другим человеком напротив за завтраком.

Эта мысль меня не отпускала. Я начал искать эти точки — не только в сне, но и вспоминая свою настоящую жизнь, пытаюсь найти в ней зеркальные развилки, о которых я не подозревал, пока жил.

Однажды я спросил Олю — уже наяву, в Москве, лёжа рядом с ней после того, как она наконец уснула, а я всё смотрел в потолок, — спросил не вслух, а просто у себя самого: а что, если бы в ту дождливую ночь я всё-таки сел на поезд? Что стало бы с Олей, с её отцом в больнице, с этим нашим осторожным, будто заново собираемым из осколков разговором, который длился уже три недели и с каждым днём становился теплее?

Я представил себе ту Олю — ту, в которой я не приехал, — и мне стало не по себе. Не потому что я боялся, что с ней случится что-то плохое. А потому что я вдруг ясно понял: она бы

просто справилась. Позвонила бы кому-то другому. Или не позвонила бы никому, разобралась бы сама, как разбиралась три года без меня. Жизнь продолжается вне зависимости от того, делаем мы выбор в чью-то пользу или нет — просто в одном случае мы в ней участвуем, а в другом нет.

Эта мысль была одновременно освобождающей и пугающей. Освобождающей — потому что снимала с меня часть той раздутой, почти нарциссической ответственности, с которой молодые люди обычно относятся к собственным решениям, будто вся вселенная замерла в ожидании их выбора. Пугающей — потому что если моё присутствие или отсутствие в чужой жизни настолько не критично для мира, то в чём тогда смысл выбирать вообще хоть что-нибудь?

Следующей ночью, во сне, я решил проверить эту мысль экспериментально. Если я и Лена познакомились в поезде из-за того, что она подсела на моё место в Твери, — что случилось бы, если бы в этот раз, в этом сне, я сел не на своё тридцать четвёртое место, а специально пересел бы на другое?

Поезд, как обычно, вёз меня — только на этот раз я осознавал себя в самом начале пути, в Москве, на перроне, с полным пониманием того, что я во сне и что я могу что-то изменить.

Тамара Витальевна уже сидела на своём месте, вязание лежало у неё на коленях аккуратным клубком.

— Здравствуйте, — сказал я ей. — Слушайте, а вы не будете против, если я сяду где-то в другом купе?

Она посмотрела на меня с тем же спокойным, чуть усталым удивлением, с каким смотрела всегда.

— Это ваш выбор, молодой человек. Только я вам скажу одну вещь. — Она отложила спицы. — Сон не про то, где вы сидите. Сон про то, кто вы есть, когда садитесь. А это, знаете ли, от места в вагоне не зависит.

Я не очень понял, что она имела в виду, но всё-таки взял рюкзак и пошёл искать другое место — свободное купе в соседнем вагоне, подальше от того рокового тридцать четвёртого места, на которое, если верить рассказу Лены, она должна была подсесть в Твери.

Поезд остановился в Твери. Я сидел в другом вагоне, специально, демонстративно, будто назло собственной судьбе, и ждал, что произойдёт.

Дверь моего нового купе открылась, и вошла девушка с рюкзаком и мокрым от дождя капюшоном.

— Извините, здесь не занято? — спросила она, и, когда откинула капюшон, я увидел, что это Лена. Та же самая Лена. Только теперь она вошла не в тот вагон, где было моё изначальное место, а именно в этот, куда я специально пересел, чтобы её избежать.

Я почувствовал, как по спине проходит нечто среднее между ужасом и восторгом — тем самым чувством, которое, наверное, испытывает человек, впервые понявший, что вода мокрая не потому, что кто-то так решил, а потому что иначе просто не может быть.

— Не занято, — сказал я одеревеневшим голосом.

Она села, отряхнула капюшон, улыбнулась мне так же естественно, как в первую нашу встречу в прошлом сне.

— Чай будете? — спросила проводница, просовывая голову в купе, и я узнал в ней ту же женщину с родинкой над верхней губой.

В ту ночь я понял главное правило, которое потом стало для меня своего рода компасом во всех последующих снах: точки развилки не строго зафиксированы в одном месте. Они как будто следуют за тобой, находят новые формы, но ведут к одному и тому же узлу — по крайней мере, пока ты сам, изнутри, не поймёшь по-настоящему, чего хочешь избежать или к чему хочешь прийти. Судьба, если можно так сказать, не столько железная дорога с одной колеёй, сколько вода: перегороди её в одном месте, она найдёт другое русло, но конечное направление течения останется тем же, если ты сам изнутри не поменяешь наклон всей местности.

Мне этого было мало. Через несколько снов я решил провести эксперимент жёстче: если Лена находит меня в любом вагоне, куда бы я ни пересел, — что будет, если я вообще не поеду дальше Твери? Выйду там, не дожидаясь, пока она войдёт, и посмотрю, сможет ли судьба, при всей своей изобретательности, устроить встречу вне поезда вовсе.

Поезд, как обычно, замедлил ход у тверской платформы, и я, вопреки заведённому порядку, вышел — впервые за всё время этих снов ступил на чужой, незнакомый перрон, пока состав, скрипя, готовился тронуться дальше без меня.

Платформа была почти пустой — редкие пассажиры, торговка пирожками у края, тусклый фонарь над закрытым павильоном касс. Я стоял, оглядываясь, и чувствовал странную, почти детскую гордость: вот, я перехитрил собственный сон, вышел там, где, по всем законам этой истории, не должен был выходить.

Поезд тронулся, унося с собой Лену, которую я, возможно, впервые за всё это время так и не встретил в этой конкретной ветке событий. Я подождал минут пять, наслаждаясь непривычной свободой пустого перрона, — а потом ко мне подошла та самая торговка пирожками, вытирая руки о фартук.

— Молодой человек, вы тут какими судьбами? Электричка на Москву через двадцать минут, а на Питер — только этот, ушедший, следующий завтра днём.

— Да я так, — сказал я неопределённо. — Просто вышел.

— А, ну тогда пойдёте, провожу до зала ожидания, а то холодно тут стоять, — сказала она с той простой, невыясняемой заботливостью, которая бывает у людей, привыкших видеть на перроне странных, потерянных пассажиров.

Зал ожидания был маленький, обшарпанный, с деревянными скамьями, отполированными сотнями чужих спин. Я сел, ожидая, что сон вот-вот развеется — раз я вышел из основного сюжета, может, само повествование остановится, не зная, что со мной делать дальше.

Вместо этого дверь зала открылась, впустив порыв холодного воздуха и девушку с рюкзаком.

— Ужас что творится, — сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь, отряхивая с капюшона капли. — Электричку на Питер отменили, говорят, кабель повредило. Теперь только завтра.

Я поднял глаза. Это была не Лена. Совершенно другое лицо, другой голос, другая манера говорить. Но что-то в самой ситуации — застрявший в дороге человек, вынужденный ждать вместе со мной до утра, — было пугающе похоже на структуру, которая раньше приводила меня к Лене.

Мы разговорились, как это бывает у случайных попутчиков, коротающих ночь в неуютном зале ожидания, — про отменённую электричку, про то, как нелепо устроена жизнь, что всё срывается именно тогда, когда торопишься, — и мне вдруг подумалось: если бы я задержался здесь ещё на несколько часов, вполне возможно, что именно эта девушка, а не Лена, стала бы следующим поворотом моей судьбы в этой ветке. Судьба, судя по всему, не была привязана к конкретному человеку — Лене как таковой, — а скорее к некоторому типу ситуации, обстоятельству, которое настойчиво воспроизводило себя снова и снова, меняя только декорации и действующих лиц, но сохраняя сам механизм.

Я проснулся раньше, чем узнал, чем закончилась бы эта ночь в зале ожидания, — будто сон сам оборвал эксперимент, не дав мне зайти слишком далеко в опровержении собственных законов, — но урок был усвоен: дело было не в конкретной Лене и не в конкретном вагоне, а в чём-то более глубоком, что тянуло меня к определённой ситуации вне зависимости от декораций.

Я не стал рассказывать об этом эксперименте Лене — ни во сне, ни тем более наяву, Оле, у которой не было ни малейшего представления о существовании Лены, о поезде, о вторых жизнях. Но с той ночи я начал вести записи. Завёл отдельную тетрадь, прятал её в ящике стола

под старыми конспектами, и каждое утро после сна записывал туда всё, что помнил: детали, разговоры, места, лица людей, которых я никогда не встречал наяву, но которые в том мире знали меня так же хорошо, как знали бы, если бы мы прожили рядом настоящие три года.

Тетрадь быстро заполнялась. И вместе с записями во мне заполнялось нечто ещё — ощущение, что моя настоящая жизнь, та, дневная, с работой в кофейне, с университетом, который я так и не решил, стоит ли доучивать, с Олей, медленно, но верно становящейся частью моего дня, — эта жизнь была уже не единственной. Она была одной из. И это простое, но абсолютно переворачивающее сознание открытие меняло всё: как я смотрел на утро, как я смотрел на выбор того, что съесть на завтрак, как я смотрел на саму идею того, что вообще значит — жить одну-единственную жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.